

Эрих Кестнер

КОЛКААТОН

Эрих Кестнер

Кнопка и Антон

OCR – Dauphin

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159957

Кнопка и Антон: Два Слона; Одесса; 1994

ISBN 5-86699-023-7

Оригинал: Erich Kästner, "Punktchen und Anton"

Перевод:

Екатерина Николаевна Вильмонт

Аннотация

Как дочке богатых родителей дружить с мальчиком из бедной семьи? Дружить на равных, уважая, поддерживая и выручая друг друга во всех трудностях жизни. Эта книга детства бабушек и дедушек не устарела и для их внуков.

Содержание

Несколько слов об этой книге и ее авторе	4
Глава первая	9
Глава вторая	20
Глава третья	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эрих Кестнер

Кнопка и Антон

Несколько слов об этой книге и ее авторе

Эрих Кестнер – замечательный писатель. Его книги, детские и взрослые, известны и популярны во всем мире. Главное, что отличает его произведения – это талант и доброта. Его талант добр, а доброта талантлива. Он умен, ироничен, он не только любит детей, он их уважает. А потому его истории западают в душу. В моем детстве на экранах шел фильм «Кнопка и Антон». Мы, дети, конечно, и понятия не имели ни о каком Кестнере, но фильм запомнился надолго. И кого бы из своих сверстников я ни спросила, помнят ли они этот фильм, виденный лет сорок тому назад, все его помнят с восторгом и нежностью. И вот теперь они смогут прочитать эту историю вместе со своими детьми, а то и внуками.

Эрих Кестнер родился 23 февраля 1899 года. Он писал стихи и прозу, серьезные и сатирические, а кроме того, написал массу детских книг, принесших ему огромный успех. Он был награжден многими литературными премиями, в том числе и медалью Ганса-Христиана Андерсена.

Однажды он написал: «Большинство людей

выбрасывают свое детство как старую иляпу. Забывают, как устаревший номер телефона. Раньше они были детьми, потом стали взрослыми, но кто они такие теперь? Только взрослый, сохранивший в себе ребенка, может считаться человеком».

Кестнер умер в 1974 году, но книги его издаются вновь и вновь, ибо талант и доброта не устаревают, на них всегда будет спрос.

Е. Вильмонт

ВСТУПЛЕНИЕ, ПО ВОЗМОЖНОСТИ КРАТКОЕ

Что же я хотел сказать? Ах да, припоминаю.

История, которую я расскажу на сей раз, в высшей степени примечательна. Во-первых, она примечательна тем, что примечательна, а во-вторых, тем, что произошла в действительности. Около полугода назад я прочел о ней в газете. Ага, подумаете вы, и присвистните сквозь зубы: ага, выходит Кестнер ее украл!

Да ничего подобного!

В той, газетной, истории было от силы строк двадцать. Она была такой коротенькой, что мало кто и прочел ее. Так себе, махонькая заметка, в которой говорилось, что тако-го-то числа в Берлине произошло то-то и то-то. Я тут же взял ножницы, вырезал заметку и аккуратненько положил

ее в коробку, где храню всякие интересные штучки. Эту коробку для интересных штучек мне склеила Рут. На крышке изображен паровоз с ярко-красными колесами, рядом с ним два темно-зеленых дерева, а над ними три белых облака, круглых как снежки. Все это из настоящей глянцевой бумаги, красотища! Тем нескольким взрослым, которые прочли эту историю, она, конечно же, не запомнилась. Для них она была как бы деревяшкой. Вы спросите, что еще за деревяшка? Мне это видится следующим образом:

Если маленький мальчик, найдя возле печки полено, скажет полену «Но!», тогда это уже не полено, а лошадь, настоящая живая лошадь. И даже если старший брат при виде полена скажет, покачав головой: «Да никакая это не лошадь, а ты уж точно – осел!», то это ничегошеньки не изменит. Примерно так же обстоит и с моей газетной заметкой. Другие люди говорили: «Подумаешь, какая-то заметка в двадцать строк!» А я шептал себе под нос: «Фокус-покус» и вот получилась целая книжка!

Все это я рассказываю вам по вполне определенной причине. Когда пишешь всякие истории, то тебя частенько спрашивают: «Эй, послушайте, то, что вы тут понаписали, и вправду было?» Особенно дети, они всегда хотят знать все в точности. А ты стоишь как дурак и щиплешь свою бородку. Конечно, многое в этих историях было на самом деле, но ведь не все же! Нельзя же постоянно носиться за людьми с записной книжкой в руках и со стенографической точно-

стью, до последней мелочи, записывать все, что они говорят или делают. Человек, когда с ним что-то случается, даже не подозревает, что об этом когда-нибудь будут писать! По-моему, тут все совершенно ясно?

Но многие читатели, большие и маленькие, могут подбоchenиться и сказать: «Многоуважаемый господин писатель, если все, что вы тут понаписали, чистой воды выдумка, то нам на вашу писанину наплевать!» В таком случае я бы ответил: «Было на самом деле или не было, какая разница? Главное, что история-то подлинная. А подлинной история считается в том случае, если события, в ней изложенные, могли происходить в действительности. Понятно?» Если вы это поняли, значит, вы постигли важнейший закон искусства. А если не поняли, тоже ничего страшного. На этом вступление заканчивается, ура!

Мне по собственному опыту известно, что многие дети обожают читать всякие рассуждения, вроде моих рассуждений про полено и лошадь, про действительность и правду. А других детей надо три дня кряду кормить овсяным отваром, прежде чем они отважатся взяться за такое мудреное чтение. Они боятся, что их маленькие хорошенькие мозги могут от этого сморщиться. И что им тогда прикажете делать?

Я знаю выход. Просто все, что в этой книжке будет связано с рассуждениями, я буду собирать в отдельные подглавки, а человека, который будет печатать мою книгу, я

попрошу эти мои «Рассуждения» набирать другим шрифтом, нежели саму книгу. Пусть печатает «Рассуждения» курсивом, в точности как это вступление. И вы, увидев курсив, сразу сможете пропустить это место, словно его и вовсе нет. Дошло? Надеюсь, все вы понимающе киваете головами.

Так что же я еще хотел сказать? Ах да, вспомнил. Я хотел сказать: история начинается.

Глава первая КНОПКА ЛОМАЕТ КОМЕДИЮ

Когда господин директор Погге вернулся домой к обеду, он, как вкопанный, замер на пороге гостиной: его дочь Кнопка, стоя лицом к стене, беспрерывно делала книксен, как-то жалобно скуля при этом. «Может, у нее живот болит», – подумал отец. И все-таки не тронулся с места и затаил дыхание. Кнопка протягивала руки к оклеенной серебристыми обоями стене, приседала и говорила дрожащим голосом:

– Спички! Купите спички, господа?

Рядом караулил Пифке, коричневая Кнопкина такса. Склонив голову набок, он дивился происходящему и постукивал хвостом в такт Кнопкиным мольбам. А Кнопка все причитала:

– Будьте милосердны к бедным людям. Всего десять пфеннигов за коробок!

Пифке почесал себя за ухом. Вероятно, он счел, что цена слишком высока, или же пожалел, что у него нет при себе денег.

Кнопка еще выше воздела руки, еще ниже присела и пролепетала:

– Мамочка такая молодая, а уже совсем ослепла. Три коробка за двадцать пять. Благослови вас Бог, сударыня!

Видимо, стена купила у нее три коробка.

Господин Погге громко рассмеялся. Такого он еще не видел. Его родная дочка стоит в гостиной, убранство которой обошлось в три тысячи марок и просит милостыни у обоев. Кнопка, услышав чей-то смех, не на шутку перепугалась,

резко обернулась и увидев отца, поспешила удрать. Пифке безучастно потрусил за ней.

– Да вы что, совсем тут все рехнулись? – спросил отец, но ответа не получил. Тогда он направился к себе в кабинет. На письменном столе лежали письма и газеты. Он сел в глубокое кожаное кресло, закурил сигару и начал читать.

Вообще-то Кнопкино настоящее имя – Луиза. Но так как в первые годы жизни она плохо росла, ее прозвали Кнопкой. И по сей день так зовут, хотя она давно уже ходит в школу и теперь вовсе не так уж мала ростом.

Ее отец, господин Погге – директор фабрики, выпускавшей зонты и трости. Он зарабатывал много денег, но и работал тоже много. Впрочем, его жена, Кнопкина мать, придерживалась иного мнения. Она полагала, что зарабатывает он слишком мало, а работает слишком много. Он всегда говорил: «Женщины ничего в этом не смыслят!» Но она ему не верила.

Они жили в большой квартире неподалеку от набережной Рейхстага. Квартира из десяти комнат была так велика, что Кнопка иной раз возвращаясь после еды к себе в детскую, успевала снова проголодаться. Так длинна была дорога!

Раз уж мы заговорили о еде – господин Погге был голоден. Он позвонил. Вошла толстая Берта – экономка.

– Прикажете мне с голоду помирать? – раздраженно осведомился господин Погге.

– Боже упаси! – воскликнула Берта. – Но хозяйка еще не

вернулась и я думала...

Господин Погге встал.

– Если вы еще раз что-нибудь подумаете, то завтра не получите выходного! – сказал он. – Живо! Подавайте на стол! И позовите фройляйн и Кнопку!

Толстая Берта мгновенно выкатилась из кабинета.

Господин Погге первым явился в столовую. Достал таблетку и, скривившись, запил ее водой. Он глотал таблетки при первой возможности. Перед едой, после еды, перед сном и утром, спросонья. Таблетки были то плоские, то как шарики, то квадратные. Кто-нибудь может подумать, что ему это доставляло удовольствие. Но все дело было в его больном желудке.

Затем в столовую вошла фройляйн Андахт. Фройляйн Андахт была гувернанткой. Очень высокая, очень тощая и совершенно безумная девица. «Видно, в детстве ее уронили на пол», – любила говаривать толстая Берта. Андахт и Берта с трудом выносили друг друга. Раньше, когда у Погге еще не было гувернантки, а только няня Кэти, Кнопка вечно торчала на кухне с Кэти и Бертой. Они вместе лущили горох, Берта частенько брала с собой Кнопку за покупками и рассказывала ей про своего брата, который жил в Америке. И Кнопка всегда была бодра и весела, не то, что при этой полоумной Андахт. У нее ребенок совсем с личика спал.

– Моя дочь что-то очень бледна, – озабоченно сказал господин Погге. – Вы не находите?

– Нет, – отвечала фройляйн Андахт. Берта, подававшая суп, рассмеялась.

– Над чем вы так глупо смеетесь? – спросил хозяин дома, поедая суп так усердно, словно ему за это платили. Но внезапно он выронил ложку, прижал к губам салфетку и ужасно закашлялся, указывая рукой на дверь.

В дверях стояла Кнопка. Но, Боже правый, что у нее был за вид!

Она напялила на себя красную домашнюю куртку отца, а под нее запихала подушку, так что больше всего походила на чайник, но только старый и гнутый. Тонкие голые ноги, торчавшие из-под куртки, смахивали на барабанные палочки. На голове у девочки красовалась выходная Бертина шляпа. Вполне безумная шляпа из пестрой соломки. В одной руке Кнопка держала скалку и раскрытый зонтик, а в другой бечевку. Бечевка была привязана к сковородке, которая с дребезжанием волочилась за девочкой, а в сковородке сидел Пифке и морщил лоб. Впрочем, лоб он морщил не оттого, что был не в духе, а оттого, что на голове у него было слишком много кожи. А поскольку кожа не знала, куда ей деваться, она шла волнами, точно уложенная у парикмахера.

Кнопка обогнула стол, остановилась возле отца и совершенно серьезным тоном спросила, испытующе глядя на него:

– Вы разрешите взглянуть на ваш билет?

– Нет, – отвечал отец. – Разве вы меня не узнаете? Я же министр путей сообщения.

– Ах вот как! – проговорила Кнопка.

Фройляйн Андахт вскочила и, схватив Кнопку за воротник, принялась раздевать и разоружать ее, покуда та вновь не обрела вид нормального ребенка. Толстая Берта подхватила сброшенные одежды, скалку, зонтик и унесла в кухню. Там она еще долго смеялась. И это было явственно слышно.

– Как дела в школе? – спросил отец. Но так как Кнопка не ответила, болтая ложкой в тарелке с супом, он сразу же задал следующий вопрос: – Сколько будет трижды восемь?

– Трижды восемь? Трижды восемь это сто двадцать разделить на пять, – сказала она.

Директор Погге несказанно удивился. Произведя подсчет в уме и признав, что ответ верный, он продолжал есть. Пифке взобрался на пустой стул, уперся передними лапками в стол и наморщив лоб, убедился, что все исправно едят суп. Казалось, он намерен держать речь. Берта принесла курицу с рисом и дала Пифке пинка. Песик, неправильно ее поняв, взобрался на стол. Кнопка, спустив таксу на пол, заявила:

– Больше всего на свете мне хотелось бы иметь двойняшку.

Отец с сожалением пожал плечами.

– А это было бы здорово! – продолжала девочка. – Мы бы ходили одинаково одетые, у нас были бы одинаковые волосы, один и тот же номер обуви, одинаковые платья и совершенно одинаковые лица.

– Ну и что из этого? – спросила фройляйн Андахт.

А Кнопка, мысленно рисовавшая себе заманчивые картины с двойняшками, просто стонала от удовольствия.

– Никто бы не знал, где я, а где она. Например, кто-то думает, что это я, а это оказывается она. Или, наоборот, думают, что это она, а это оказываюсь я. Вот был бы блеск!

– Немыслимое дело! – заметил отец.

– И если, например, учительница вызовет «Луиза!», я встану и скажу: «Нет, я не Луиза!» Тогда учительница как закричит: «Сесть!», вызовет мою двойняшку и напустится на нее: «Ты почему не встаешь, когда тебя вызывают, Луиза?» А та скажет: «Я не Луиза, я Карлинхен!» И пожалуйста – через три дня у учительницы начнутся судороги, ее отправят лечиться в санаторий, а у нас будут каникулы.

– Близнецы часто совсем не похожи друг на друга, – встала фройляйн Андахт.

– К нам с Карлинхен это не относится, – возразила Кнопка. – Такого сходства вам еще не приходилось видеть. Даже сам директор не смог бы нас различить.

Директор – это ее отец.

– Мне и тебя одной за глаза хватает, – сказал директор и положил себе еще курицы.

– А что ты имеешь против Карлинхен? – спросила Кнопка.

– Луиза! – закричал он.

Когда он называл ее Луизой, следовало повиноваться, иначе мог выйти скандал. Итак, Кнопка молча ела курицу с рисом и тайком строила рожи Пифке, сидевшему с нею ря-

дом, да такие рожи, что он в конце концов затряс головой от омерзения и умчался в кухню.

Они уже ели десерт – а на десерт были сливы ренклюд – когда, наконец, появилась фрау Погге. Это была хоть и очень красивая, но – строго между нами! – довольно-таки несносная особа. Берта, экономка, как-то сказала горничной из другого дома: «Мою бы хозяйку, да мокрой тряпкой! Хрясь, хрясь! У ней такая милая потешная девчонка и такой славный муж, и ты думаешь, она о них заботится? Как бы не так! Целыми днями разъезжает по городу, что-то покупает, потом меняет, вечно ходит куда-то на чашку чаю, на показы мод, а по вечерам еще таскает за собой своего несчастного мужа. Шестидневные велосипедные гонки, театры, кино, балы, такая кутерьма, что чертям тошно! А домой и носа не кажет! Впрочем, это не так уж плохо!»

Итак, фрау Погге вошла, села за стол и обиделась. Собственно говоря, ей следовало бы извиниться за опоздание. Но вместо этого она обиделась, что ее не подождали с обедом. Господин Погге опять принял таблетки, на сей раз квадратные, скривился и запил их водою.

– Не забудь, что вечером мы приглашены к генеральному консулу Олериху, – напомнила жена.

– Не забуду, – сказал господин Погге.

– Курица совершенно остыла, – пожаловалась она.

– Ясное дело, – сказала толстая Берта.

– У Кнопки много уроков? – спросила мать.

– Нет, – ответила фройляйн Андахт.

– Детка, да у тебя зуб шатается! – воскликнула фрау Погге.

– Ясное дело! – ответила Кнопка.

Господин Погге поднялся из-за стола.

– Я уже понятия не имею о том, что у нас в доме делается по вечерам.

– Но ведь вчера вечером мы были дома, – возразила его жена.

– Да, но у нас были Брюкманы, – заметил он, – и Шраммы, и Дитрихи, тьма народу.

– Так все-таки были мы вчера вечером дома или не были? – спросила она, не спуская с мужа пристального взгляда.

Господин директор Погге из осторожности предпочел не отвечать ей и направился в свой кабинет. Кнопка последовала за ним и они оба уселись в большое кожаное кресло, вполне просторное и для двоих.

– У тебя зуб шатается? Больно? – спросил отец.

– Ни капельки! Я его как-нибудь вырву, может, прямо сегодня!

В этот момент у дверей дома раздался гудок автомобиля. Кнопка пошла проводить отца до машины. Господин Холлак, шофер, приветствовал Кнопку. Она тоже поздоровалась с ним. Она все сделала точь-в-точь как он, даже поднесла руку к козырьку, хотя на ней не было фуражки. Отец сел в машину. Машина тронулась. Отец помахал Кнопке на про-

щение. И она тоже помахала ему.

Она уже собиралась вернуться в дом, как на пороге вырос Готфрид Клеппербейн, привратнический сын, отъявленный мерзавец.

– Эй, ты! – обратился он к девочке. – Дашь мне десять марок, я тебя не выдам. А не дашь, все расскажу твоему папаше.

– Это что же? – простодушно осведомилась Кнопка.

Готфрид Клеппербейн грозно загородил ей дорогу.

– Сама знаешь, не строй из себя дурочку, дорогуша!

Кнопка хотела войти в дом, но он не пускал ее. Тогда она встала рядом с ним, заложив руки за спину и подняла удивленный взор к небу, словно заметила там то ли дирижабль, то ли майского жука на коньках, то ли еще что-то в этом роде. Мальчишка, конечно же, тоже поднял глаза, и тут она пулей пронеслась мимо него, так что Готфрид Клеппербейн, как говорится, остался с носом. Очень удачное выражение!

РАССУЖДЕНИЕ ПЕРВОЕ

О ДОЛГЕ

Уже в первой главе появилось довольно много действующих лиц, не правда ли? Посмотрим, удалось ли нам всех за-

помнить. Итак, господин директор Погге, его дражайшая супруга, Кнопка, тощая фройляйн Андахт, толстая Берта, Готфрид Клеппербейн и Пифке, маленькая такса. Таксы, правда, не считаются людьми. Увы.

А теперь я вот что хочу спросить: кто из персонажей вам понравился, а кто нет? Если бы меня спросили, я бы сказал: мне ужасно нравятся Кнопка и толстая Берта. Относительно господина Погге я пока не могу сказать ничего определенного. Но мать Кнопки мне ужасно не понравилась. Я таких женщин терпеть не могу. Если она не заботится о муже, то зачем, спрашивается, вышла за него замуж? Если не заботится о своей дочке, то зачем, спрашивается, произвела ее на свет? Эта женщина попросту пренебрегает своим долгом. Разве я не прав? Неужели так уж дурно, что она любит ходить в театр, в кино или даже на шестидневные велосипедные гонки? Но ведь она еще и мать Кнопки. И жена господина Погге. И ежели она об этом забывает, то пусть себе катится к черту!

Верно?

Глава вторая
АНТОН ДАЖЕ
УМЕЕТ ГОТОВИТЬ

После обеда у фрау Погге началась мигрень. Мигрень – это головные боли, даже если голова вовсе и не болит. В таких случаях толстая Берта должна опускаться в спальне жалюзи, чтобы там было темно, как ночью. Фрау Погге улеглась в постель и сказала фройляйн Андахт:

– Пойдите погуляйте с девочкой. И непременно возьмите с собой собаку! Мне необходим покой. И смотрите, чтобы ничего не случилось!

Фройляйн Андахт направилась в детскую, за Кнопкой и Пифке. И угодила в самый разгар театрального представления. Пифке лежал в Кнопкиной кровати, так что виден был только его нос. Он как раз играл волка, только что сожравшего бабушку Красной Шапочки. Он, правда, не знал этой сказки, но роль свою исполнял недурно. Кнопка стояла возле кровати в красном берете и с Бертиной рыночной корзинкой на руке.

– Бабушка, – удивленно говорила она, – почему у тебя такой большущий рот?

Затем, изменив голос, устрашающе зарычала:

– Чтоб лучше съесть тебя!

Кнопка опустила корзинку на пол, подошла вплотную к кровати и, точно суфлер в театре, прошептала на ухо Пифке:

– Вот теперь ты должен меня съесть!

Пифке, как уже было сказано, не знал сказку про Красную Шапочку, поэтому он только перевалился на бок и не сделал того, что было велено.

– Сожри меня! – настаивала Кнопка. – Будешь ты меня жрать или нет? – Кнопка топнула ногой и закричала: – Ты что, оглох, окаянный пес? Ты просто обязан меня сожрать!

Пифке рассердился, вылез из-под одеяла и усевшись на подушке залаял во весь голос.

– Ну ни капли таланта! – возмутилась Кнопка. – Никудышный из тебя артист!

Фройляйн Андахт надела Пифке, не подозревавшему о том, что он волк, ошейник, прицепила поводок, напялила на Кнопку синий плащ с золотыми пуговицами и сказала:

– Надень панаму, мы идем гулять.

Вообще-то Кнопка предпочла бы надеть берет, но фройляйн Андахт пригрозила:

– В таком случае ты не пойдешь к Антону.

И это подействовало.

Они вышли из дому. Пифке сразу же уселся на мостовой, так что гувернантке пришлось изо всех сил тянуть его.

– Опять он не желает ходить! – сказала фройляйн Андахт и взяла его на руки. Теперь он висел у нее под мышкой наподобие попавшего в аварию носового платка, и недовольно сверкал глазами.

– На какой улице живет Антон, ты запомнила?

– Артиллериштрассе, пятый этаж, направо.

– А номер дома?

– Сто восемьдесят разделить на пять, – отвечала Кнопка.

– Почему ты просто не скажешь: тридцать шесть? – поин-

тересовалась гувернантка.

– Так легче запоминается, – заявила Кнопка. – Кстати, Берта, кажется, что-то пронюхала, она говорит, что в доме уходит прорва спичек, как будто их кто-то жрет. Только купит, а их уже нет. Надо надеяться, все останется в тайне. Этот Клеппербейн опять мне угрожал. Требует десять марок, а не то он нас выдаст. Если он расскажет директору... Ой, такое будет!...

Фройляйн Андахт ничего ей не ответила. Во-первых, она по природе была не слишком разговорчива, а во-вторых, ей эта тема очень не нравилась. Они шли вдоль Шпрее, затем перешли ее по небольшому железному мосту, поднялись к Шиффбауэрдамм, обошли слева Фридрихштрассе, свернули вправо, за угол, и очутились на Артиллериштрассе.

– Какой ужасный старый дом, – заметила гувернантка. – Смотри там не провались куда-нибудь!

Кнопка рассмеялась, взяла Пифке на руки и спросила:

– Где мы потом встретимся?

– Ровно в шесть зайдешь за мной к Зоммерлатте.

– Вы там опять будете танцевать со своим женихом, да?

Передайте ему привет. И счастливо вам поплясать!

На этом они расстались. Фройляйн Андахт отправилась танцевать, а Кнопка вошла в незнакомый дом. Пифке заскулил, видно дом ему пришелся не по нраву.

Антон жил на пятом этаже.

– Вот здорово, что ты пришла! – обрадовался он.

Поздоровавшись, они еще довольно долго топтались в дверях. На мальчишке был большой синий фартук.

– Познакомься, это Пифке, – представила таксу Кнопка.

– Очень приятно, – сказал Антон и погладил песика.

И опять они молча топтались на месте.

– Ну, давай же войдем в квартиру, – решила наконец Кнопка.

Они оба рассмеялись и Антон повел ее за собою. И привел на кухню.

– Мне надо обед готовить, – объяснил он.

– Ты умеешь готовить? – поразилась Кнопка, да так и осталась с открытым ртом.

– Ну да, – сказал он, – а что же делать? Мама уже давно хворает, и я готовлю, как только приду из школы. Не голодать же нам, правда?

– Ладно, я не буду тебе мешать. Кнопка спустила с рук Пифке, сняла плащ и панаму.

– Ты готовь, а я буду смотреть. Что у вас сегодня на обед?

– Картофельная солянка – это картошка, тушенная с кореньями и солеными огурцами, – ответил он, взял хваталку и подошел к плите. На плите стоял котелок. Антон поднял крышку, ткнул вилкой в картошку, удовлетворенно кивнул и сказал: – Ей сейчас уже гораздо лучше.

– Кому? – спросила Кнопка.

– Маме. Она сказала, что собирается завтра встать на часок-другой. А на той неделе, может быть, уже пойдет на ра-

боту. Она уборщица, ты же знаешь.

– Ага, – сказала Кнопка. – А моя мама совсем ничего не делает. Сейчас, например, у нее мигрень.

Антон тем временем взял два яйца, разбил их над миской, скорлупу выбросил в угольный ящик, добавил в миску воды, затем всыпал туда что-то белое из кулька и хорошенько все перемешал.

– Боже ж ты мой, теперь будут комья! – воскликнул он огорченно.

Пифке пошел прогуляться к угольному ящику, а заодно и проведать яичные скорлупки.

– Зачем ты туда всыпал сахар? – поинтересовалась Кнопка.

– Да это была мука! – отвечал Антон. – Я делаю яичницу-болтушку, а если в нее добавить воды и муки, то ее получается больше.

Кнопка понимающе кивнула.

– А сколько соли кладут в картофельную солянку? – осведомилась она. – Целый фунт или только полфунта?

Антон расхохотался.

– Меньше, много меньше! Воображаю, какой был бы вкус! Нет, только щепотку-другую.

– Ну, конечно, – проговорила Кнопка, не сводя с него глаз.

На вторую конфорку Антон поставил глубокую сковородку с ручкой, положил туда маргарин, и когда он зашипел, вылил туда же взбитые яйца.

– Антон, не забудь посолить! – наказал он сам себе, взял щепотку соли и посыпал ею желтую жидкость, кипевшую в сковородке. Когда она немного пропеклась, он ловко взболтал ее ложкой.

– Так вот почему она называется болтушкой! – догадалась девочка.

– Ты еще немножечко помешай! – распорядился Антон, сунул девочке ложку и Кнопка заняла доверенный ей пост.

Антон же двумя шерстяными хваталками взял котелок с картошкой и слил воду.

– За картофельной солянкой надо внимательно следить, а то переварится и превратится в кашу, – сказал он и разложил картошку на две тарелки.

Но Кнопка его не слышала. Она мешала болтушку с таким усердием, что у нее даже рука заболела. Пифке между тем играл в футбол яичной скорлупкой.

Антон выключил газ, разложил болтушку на две тарелки, вымыл руки и снял фартук.

– Вчера вечером мы не смогли прийти, – сказала Кнопка. У нас были гости и родители остались дома.

– Я так и подумал, – сказал Антон. – погоди, я сейчас.

Взяв обе тарелки, он вышел из кухни. Кнопка осталась одна. Попробовала надеть яичную скорлупку на голову Пифке.

– Если ты этому научишься, – шептала она, – сможешь выступать в цирке.

Но такса, похоже, не любила цирк. Она то и дело сбрасы-

вала скорлупу.

– Не желает, вот дурацкая псина! – возмутилась Кнопка и огляделась вокруг.

Боже, до чего маленькая кухня! Что Антон мальчик бедный, она поняла сразу. Но такая крохотная кухня повергла ее в изумление. Она глянула в окно на серый двор.

– Не сравнить с нашей кухней, а? – обратилась она к собаке.

Пифке завилял хвостом. Но тут вернулся Антон и спросил:

– А вы с Пифке не хотите посидеть в комнате, пока мы с мамой будем есть?

Кнопка кивнула и схватила Пифке за ошейник.

– У мамы вид еще совсем больной, – предупредил мальчик, – но я очень тебя прошу, не вздумай сказать ей об этом.

Хорошо, что Антон подготовил Кнопку. Его мама, бледная-бледная, сидела в кровати, вид у нее был несчастный. Она приветливо поздоровалась с Кнопкой и добавила:

– Как мило, что ты пришла к нам.

Кнопка сделала книксен и в свою очередь сказала:

– Приятного аппетита, фрау Антон. Вы прекрасно выглядите. Как ваше драгоценное здоровье?

Мальчик расхохотался, подоткнул матери под спину еще одну подушку и поправил Кнопку:

– Мама вовсе не фрау Антон. Антон только мое имя.

– Ох, уж эти мужчины, – в отчаянии проговорила Кнопка,

закатывая глаза. – Разве на них можно сердиться, вы согласны, сударыня?

– Никакая я тебе не сударыня, – ответила мать Антона, – я просто фрау Гаст.

– Гаст, – повторила Кнопка, – ну конечно же, и на дверной табличке написано «Гаст». Кстати, очень красивая фамилия.

Девочка вознамерилась, все, что видит здесь, считать красивым, чтобы не обидеть Антона и его маму.

– Ну как, мама, вкусно? – спросил Антон.

– Отлично, мой мальчик! – ответила больная, уплетая за обе щеки. – Ну ничего, завтра я сама займусь готовкой. А то у тебя уже и поиграть времени нет. Да и домашние задания от этого страдают. Вчера он даже приготовил бифштекс по-германски, – сообщила она Кнопке.

А Антон опустил лицо в тарелку, чтобы не видно было, как его радует похвала.

– А я в готовке совсем не разбираюсь, – поведала Кнопка. – У нас готовит толстая Берта, она весит целых сто восемьдесят фунтов. Но зато я умею играть в теннис.

– А у ее отца есть машина с шофером, – доложил Антон.

– Если хочешь, как-нибудь мы тебя тоже покатаем. Директор – славный малый, – сказала Кнопка. – Директор – это мой папа, – пояснила она.

– У него мерседес, – здоровенный лимузин, и кроме того, у них десять комнат, – расписывал Антон.

– Но у вас тоже очень хорошо, фрау Гаст, – сказала Кнопка

и посадила Пифке на кровать.

– А откуда вы друг дружку знаете? – спросила фрау Гаст. Антон наступил Кнопке на ногу и ответил:

– Знаешь, мы просто однажды разговорились на улице и сразу друг другу понравились.

Кнопка кивком головы подтвердила его слова и искоса взглянув на Пифке, заявила:

– Господа, Пифке нужно на улицу.

Фрау Гаст сказала:

– Да и вам, ребятки, тоже неплохо будет немножко погулять. А я еще полежу.

Антон отнес тарелки на кухню и взял свою кепку. Когда он опять зашел в спальню, мать заметила:

– Антон, тебе пора постричься.

– Ну нет! – воскликнул он, – только не это! От стрижки волосы падают за воротник и потом так щекотно...

– Дай-ка сюда кошелек, – потребовала мама. – И без разговоров отправляйся стричься.

– Что ж, если тебе это так важно, – сказал он; – схожу, ладно. Но деньги у меня свои есть.

Мать как-то странно на него взглянула и он поспешил добавить:

– Я на вокзале помогал таскать чемоданы.

Он поцеловал мать в щеку и посоветовал ей заснуть покрепче, укрыться потеплее, ни в коем случае не вставать и так далее.

– Слушаюсь, господин доктор, – сказала она и подала руку Кнопке.

– Поправляйтесь поскорее, – сказала девочка на прощание. – Пошли, Антон, Пифке не может больше ждать.

Пифке сидел у двери, неотрывно глядя на дверную ручку, словно хотел ее загипнотизировать. Все трое расхохотались. И наконец дети, очень довольные, вышли на улицу.

РАССУЖДЕНИЕ ВТОРОЕ

О ГОРДОСТИ

Я не знаю, что вы обо всем этом думаете. По-вашему, правильно, что мальчик готовит? Что, повязавшись материнским передником, он чистит картошку, кладет ее в котелок, посыпает солью и все такое прочее?

Пауль, с которым я говорил об этом, заявил мне:

– Я бы не стал готовить. Даже и не подумал бы.

– Гм, – сказал я. – А если бы твоя мама лежала больная и врач предписал бы ей хорошо и регулярно питаться, а то она может умереть...

– Тогда ладно, – поспешил ответить Пауль, – тогда бы я тоже стал куховарить, вроде вашего Антона. Но наверное мне все равно было бы стыдно. Готовка – не мужское дело.

– Вот если бы ты играл в куклы, забавлялся кукольными кастрюльками, у тебя и впрямь были бы основания стыдиться, – заметил я, – но если ты заботаешься о том, чтобы твоя больная мама вовремя ела, то этим можно только гордиться. И, кстати, гораздо больше, чем прыжком в длину на четыре метра.

– Четыре двадцать, – уточнил Пауль.

– Вот видишь! – воскликнул я, – этим ты уже умеешь гордиться!

Немного погодя он сказал мне:

– Я все обдумал. Возможно, мне не было бы стыдно, если бы меня застали за готовкой. Но все-таки лучше, чтобы никто меня при этом не видел. Я, наверное, запер бы кухонную дверь. А кстати, мама моя ничем не больна. А если бы она все-таки заболела, мы пригласили бы проходящую прислугу. Чтобы она готовила.

Вот упрямая башка, вы не находите?

Глава третья СОБАКА БРЕЕТСЯ

Пифке остановился у первого же фонарного столба. Дети хотели идти дальше, а он ни в какую. Кнопке пришлось тянуть его.

– Опять он уперся, – пожаловалась она Антону.

– Дай-ка мне, – сказал тот, – сейчас все будет в порядке.

Он выхватил у Кнопки поводок, вытащил из кармана белый носовой платок и снова засунул в карман, но так, чтобы виден был его кончик.

– Пифке! – позвал он.

Песик поднял голову, с любопытством поглядел на белый кончик и подумал: пожалуй, это можно будет съесть. И едва Антон сдвинулся с места, Пифке потрусил за ним, не сводя глаз с платка и взволнованно принюхиваясь.

– Блеск! – одобрила Кнопка. – Роскошная идея. Надо взять на заметку.

– Ну и как тебе наш дом? – спросил мальчик. – Довольно жуткий, да?

– Да, вид у него немного заблошенный.

– Какой? – не понял он.

– Заблошенный, – повторила она. – Тебе нравится это слово? Я сама его придумала. Я иногда изобретаю новые слова. Термометр, это тоже я придумала.

– Термометр вместо термометра? – воскликнул он. – Это не так уж плохо!

– Еще бы! – сказала Кнопка. – А давай играть в смешки.

Она не стала ждать, согласится он или нет, а просто взяла

его за руку и запричитала:

– Ой-ой-ой, – мне совсем не до смеху, мне очень, очень грустно.

Антон удивленно воззрился на нее. Она наморщила лоб и сделала большие глаза.

– Ой-ой-ой, мне совсем не до смеху, мне очень, очень грустно, – повторила она, потом толкнула Антона и прошептала: – Тебе тоже грустно.

Антон решил доставить ей удовольствие.

– Ой-ой-ой, – застонал он, – мне совсем не до смеху, мне очень-очень грустно.

А так как они смотрели друг на друга и у обоих на лицах была мировая скорбь, они начали хохотать во все горло.

– Ой-ой-ой, мне совсем не до смеху, – опять завел Антон и они еще пуще развеселились.

Наконец, они уже просто не могли смотреть друг на друга. Они заливались хохотом, стонали, хихикали, не могли остановиться и в конце концов чуть не задохнулись. Возле них уже стали останавливаться прохожие.

А Пифке сидел на месте. «Ну, похоже, они совсем спятили», – думал он. Кнопка взяла его на руки. И они пошли дальше, не решаясь даже взглянуть друг на друга. Кнопка еще несколько раз прыснула, но потом это прошло.

– Вот это да! – сказал Антон. – Я даже устал. Чуть не помер со смеху. – И он смахнул слезы с глаз.

Тем временем они дошли до парикмахерской и подня-

лись на несколько ступенек. Парикмахерская была совсем маленькой.

– Здравствуйте, господин Хабекус, – сказал Антон. – Мне надо подстричься.

– И впрямь пора. Садись, сынок, – сказал господин Хабекус. – Как мама?

– Спасибо. Ей уже лучше. А вот с деньгами пока не лучше.

– Значит, как и в прошлый раз, двадцать пфеннигов задатку, остальное в рассрочку, спереди немного длиннее, знаю, знаю. А маленькая фройляйн что желает?

– Я просто зритель, – объяснила Кнопка. – Я вам мешать не буду.

Господин Хабекус повязал Антона большим белым полотенцем и защелкал ножницами.

– Тебе уже щекотно? – в нетерпении спросила Кнопка.

Но так как Антон не отвечал, а тихо сидел, как мышка, она тут же придумала себе новое занятие. Посадив Пифке на соседнее кресло, Кнопка повязала его полотенцем и намылила ему мордочку. Пифке сперва принял пену за взбитые сливки, но поскольку эта белая штука оказалась совсем невкусной, он с отвращением спрятал язык и затряс головой.

Кнопка сделала вид, что бреет его. Указательным пальцем она аккуратненько снимала пену с собачьей шерсти, пританцовывая, сновала вокруг и как заправский парикмахер беседовала с клиентом.

– Да уж, – говорила она таксе, – ну и времена нынче! Мой

палец достаточно острый? Ну и времена! Это уж слишком, вы же понимаете, что я имею в виду. Вообразите себе, – будьте добры, чуть-чуть поверните голову, – ах да, вообразите себе, прихожу я вчера домой, а у моей жены родилась тройня, и все три девочки. А на головках – рыжая трава. Ну как тут не спятить? А сегодня с самого утра открываю парикмахерскую, а там уже стоит судебный исполнитель и заявляет мне, что должен забрать у меня зеркало. Я его спрашиваю, почему? Вы, говорю, хотите меня совсем доконать? А он говорит: мне очень жаль, но меня послал министр финансов. Дело в том, что вы совсем не едите ревеня. Вы чем-то недовольны, господин Пифке? А кстати, откуда у вас такой дивный загар? Ах, вот что, вы пользуетесь «горным солнцем».¹ Через полчаса сюда явится господин министр, собственной персоной. Мы договорились, что я целую неделю буду брить его бесплатно, десять раз в день. Да, у него страшно быстро растет борода. Одеколончику не угодно ли? Цеппелин²

¹ Лампа для загара

² Цеппелин, Фердинанд (1838–1917) – конструктор дирижаблей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.